

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/pravgos-2022.1.3

Гизатуллин Ирек Альфредович

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,

gizatullin-irek@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2108-690X>

ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ СУДЬИ

Аннотация. В статье критикуется обязанность суда прекратить уголовное дело или уголовное преследование при отказе государственного обвинителя от обвинения с точки зрения препятствования таким последствиям осуществлению судом уникальной функции – разрешения уголовного дела. *Цель* – разработка теоретических положений, обосновывающих необходимость законодательного совершенствования института отказа государственного обвинителя от обвинения для обеспечения процессуальной независимости судей. При подготовке статьи использованы *методы* системного анализа, синтеза, социологического опроса и обобщения. *Результаты:* на основе анализа материалов уголовных дел и результатов анкетирования судей доказывается, что безальтернативный характер последствий отказа государственного обвинителя от обвинения – это неоправданное ограничение свободы судейского усмотрения в принятии итогового решения и отсутствие реальной возможности у суда обеспечить процессуальные интересы при фактическом наличии к тому достаточных оснований. В этой части автор сравнивает уголовный процесс с гражданским и арбитражным, отмечая, что в них отказ истца от иска возможен лишь в тех случаях, когда это не нарушает фундаментальных основ правосудия и интересов третьих лиц. Предлагается исключить из закона правило об обязательном прекращении уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения и оставить решение этого вопроса на мотивированное усмотрение суда, как это было сделано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.

Ключевые слова: отказ от обвинения, государственный обвинитель, независимость судей, судейское усмотрение, процессуальные интересы, прекращение уголовного дела

Для цитирования: Гизатуллин И.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения в контексте обеспечения процессуальной свободы судьи / И.А. Гизатуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1. – С. 42–59. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.3.

Original article

Gizatullin Irek Alfredovich

Bashkir State University, Ufa, Russia, gizatullin-irek@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2108-690X>

WITHDRAWAL OF THE CHARGE BY THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE CONTEXT OF ENSURING PROCEDURAL FREEDOM OF THE JUDGE

Abstract. The article criticizes the obligation of the court to discontinue criminal proceedings or prosecutions if the public prosecutor refuses to prosecute in terms of preventing such consequences from obstructing the court's unique function of resolving a criminal case. The *purpose* of the work is to develop theoretical provisions justifying the need for legislative improvement of the public prosecutor's withdrawal of the charge in order to ensure the procedural independence of judges. The article uses the *methods* of system analysis, synthesis, sociological survey and generalization. *Results:* on the basis of the analysis of criminal case files and the results of the judges' questionnaires, it is proved that the lack of an alternative effect of the public prosecutor's withdrawal of prosecution is an unjustified restriction of the judge's discretion in making the final decision and the lack of a real possibility for the court to ensure the procedural interests in the actual presence of sufficiently accurate grounds. In this part, the author compares criminal proceedings to civil and arbitration proceedings, noting that the plaintiff's waiver is possible only if it does not violate the fundamental principles of justice and the interests of third parties. It is proposed to remove from the law the rule of mandatory dismissal of a criminal case when the public prosecutor withdraws the charge, and to leave the matter to the reasoned discretion of the court, as it was done in the Statute of Criminal Procedure of 1864.

Keywords: withdrawal of the charge, public prosecutor, independence of judges, judicial discretion, procedural interests, dismissal of a criminal case

For citation: Gizatullin I.A. Withdrawal of the charge by the public prosecutor in the context of ensuring procedural freedom of the judge. *Pravovoe go-*

sudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 1, pp. 42–59. DOI 10.33184/pravgos-2022.1.3. (In Russian).

В российской уголовно-процессуальной науке дискуссии об отказе прокурора от обвинения в рамках судебного производства ведутся уже долгое время и сосредоточены они, как правило, на проблемах процессуальной регламентации последствий реализации прокурором такого права. В контексте обеспечения процессуальной свободы судьи полемика относительно данного института традиционно была связана с вопросом о том, должен ли суд, в случае такого отказа, прекращать уголовное дело и ограничивает ли этот институт судебскую независимость, поиски ответа на который всегда сопровождались противостоянием сторонников состязательного процесса и объективной истины. Еще до закрепления в УПК РФ существующей модели отказа прокурора от обвинения сторонники «чистой состязательности» восторженно восприняли принятие Конституционным Судом РФ Постановления от 20 апреля 1999 г.¹, которым фактически была свергнута советская модель института отказа прокурора от обвинения, допускавшая возможность продолжения разбирательства по усмотрению суда. Нашлись и те, кто в последующем увидел в такой модели отказа прокурора от обвинения процессуальную зависимость судебной власти от органов обвинения [1, с. 76]. В настоящее время многие точки зрения относительно рассматриваемой проблемы продолжают строиться на основе авторских предпочтений либо типа уголовного процесса, с которым принято связывать формирование модели отказа от обвинения, либо принципов объективной и формальной истины.

В настоящей работе мы сознательно избегаем попытки отстаивания какой-либо позиции в отношении процессуальной регламентации отказа прокурора от обвинения путем выражения симпатий к таким категориям или включения в другие подобные концептуальные, если не сказать пафосные, дискуссии. Нас прежде всего интересуют проблемы спорной практики применения данного института и неоднозначного отношения судей к существующей модели отказа, о чем свидетельствуют данные эмпирических исследований, к которым нам еще предстоит обратиться. Здесь отметим лишь, что процессуальная свобода судьи включена в контекст

---

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород : постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17, ст. 2205.

нашего исследования как по причине ее очевидной ограниченности в данной процессуальной ситуации, что само по себе требует поиска объяснений или возможных компенсаторных механизмов, так и в связи с неблагоприятными последствиями такого ограничения.

В современной правоприменительной практике отказ прокурора от обвинения встречается очень редко. Заметно больше в этом отношении количества случаев изменения прокурором обвинения в суде¹. Изучение уголовных дел, в которых были заявлены отказы от обвинения или изменены обвинения в сторону смягчения, показало, что суды практически всегда, следуя требованиям закона, прекращают уголовное дело или выносят приговор в соответствии с «новой» квалификацией. В то же время весьма примечательно, что больше половины (57 судей – 50,89 %, учитывая, что 13 затруднились ответить на данный вопрос) опрошенных нами судей полагают, что отказ прокурора от обвинения в ходе судебного разбирательства не должен безальтернативно влечь прекращение уголовного дела, а должен рассматриваться судом как ходатайство стороны обвинения². Получается, что отношение судей к существующей регламентации этого института как минимум неоднозначно. Можно ли объяснить такие цифры лишь ментальной привязанностью к советской модели отказа прокурора от обвинения? Думается, что на формирование такой позиции в первую очередь влияет то, какой оказывается практика отказов от обвинения и изменения обвинения, с которой сталкиваются судьи. Возможно, именно поэтому существуют единичные примеры, когда суды не соглашались с отказом от обвинения или его изменением. При всей неоднозначности таких решений с точки зрения законности именно в них видится реализация свободы судейского усмотрения. Рассмотрим один из таких случаев на примере отказа прокурора от обвинения, первоначально представленного в

---

¹ По результатам изучения 324 материалов уголовных дел, рассмотренных районными судами г. Уфы, районными и межрайонными судами Республики Башкортостан, Верховным судом Республики Башкортостан, городскими и районными судами Челябинской области и Челябинским областным судом, а также судами разного звена различных регионов Российской Федерации, полный отказ прокурора от обвинения встречался 1 раз, частичный – 2 раза. В то же время изменение прокурором обвинения в сторону смягчения любым путем, предусмотренным ч. 8 ст. 246 УПК РФ, наличествовало в 8 уголовных делах. Выводы, сделанные на основе эмпирических данных о существовании такой тенденции, сохраняются и в работах других авторов [см., например: 2, с. 114].

² Здесь и далее приводятся результаты анкетирования 112 судей районных судов Республики Башкортостан и г. Уфы, судей Верховного суда Республики Башкортостан и Челябинского областного суда.

суд, и его изменения путем переквалификации деяния на менее тяжкую статью УК РФ.

Кировским районным судом г. Уфы было рассмотрено уголовное дело в отношении К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. В ходе судебного разбирательства государственный обвинитель изменил обвинение в сторону смягчения путем переквалификации деяния на ч. 1 ст. 118 УК РФ. Апелляционная коллегия Верховного суда Республики Башкортостан оставила приговор без изменения. В кассационной жалобе потерпевший Д. выразил несогласие с судебными решениями и обратил внимание на большое количество нарушений, допущенных судами при рассмотрении дела, многие из которых в последующем действительно были признаны судом кассационной инстанцией. Не соглашаясь с изменением обвинения, потерпевший в первую очередь сослался на содержащееся в материалах дела ключевое доказательство – видеозапись с камер наблюдения ночного клуба, где отчетливо видно, что осужденный нанес ему сначала один удар правой рукой в левую височную область головы, потом еще один удар левой рукой в область лица, после чего последовало характерное движение корпусом с целью нанесения удара ногой. На заседании суда первой инстанции данная запись исследована не была, как и не были допрошены некоторые ключевые свидетели, которые в ходе предварительного расследования также указали на нанесение неоднократных ударов подсудимым. Выводы об умышленности действий осужденного следуют из показаний свидетеля Б., который на судебном заседании подтвердил, что подсудимый нанес потерпевшему множество ударов кулаками в область головы и ногами по туловищу, а после того как он упал на пол, продолжал наносить ему удары ногами.

Из материалов уголовного дела, в частности протоколов судебных заседаний, видно, что видеозапись с камер наблюдения ночного клуба действительно не была исследована, предметом исследования в суде первой инстанции явился лишь протокол осмотра диска с указанной видеозаписью, который, по мнению суда кассационной инстанции, не был должным образом проверен судом путем сопоставления с видеозаписью. Так, установлено несоответствие зафиксированных следователем при составлении протокола осмотра данной видеозаписи событий самой видеозаписи, в частности количеству нанесенных К. ударов потерпевшему Д. Кроме того, показания осужденного и допрошенных судом первой инстанции свидетелей сопоставлялись лишь с протоколом осмотра данной видеозаписи, составленным следователем. И наконец, Президиум Верховного суда Республики Башкортостан обратил внимание на существенное нарушение уголовно-процессуального закона, допущенное при назначении и производстве экспертизы по уголовному делу. Так, для экспертного исследования были представлены

лишь показания обвиняемого К. и свидетелей, указывавших о нанесении потерпевшему одного удара ладонью левой руки в область головы, которые, как установлено, не соответствуют видеозаписи с камер наблюдения с места происшествия. Более того, ни следователем в ходе предварительного расследования, ни судом не установлено, каким образом потерпевший упал на пол после нанесения ему К. удара или ударов, в связи с чем вывод эксперта о том, что комплекс повреждений у потерпевшего мог образоваться при падении и дальнейшем соударении правой половиной головы о тупой твердый предмет, является не чем иным, как предположением.

Исходя из изложенного суд кассационной инстанции констатировал, что «нарушение судом правил исследования и оценки доказательств не могло не повлиять на исход дела, в том числе и *на обоснованность изменения государственным обвинителем обвинения*, предъявленного К., с ч. 1 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ» (курсив наш. – И. Г.), и, отменяя решения судов нижестоящих инстанций, возвратил дело прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ¹.

Конечно, в попытках оценки действий государственного обвинителя нельзя проигнорировать очевидные нарушения судами уголовно-процессуального закона. Можно даже допустить, что при полном исследовании всех обстоятельств судом первой инстанции уголовное дело было бы возвращено прокурору на более ранних этапах. Тем не менее все это – проблемы активности суда в доказывании и добросовестного отношения к исследованию обстоятельств дела, не имеющие никакого отношения к изменению государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, в обоснованности которого возникают очевидные сомнения. Во-первых, это следует из фактических обстоятельств дела, подтверждаемых, прежде всего, видеозаписью с камер наблюдения, оценка которых меньше любых доказательств по делу связана с субъективностью внутреннего убеждения. Во-вторых, несколько несвойственной для фигуры прокурора выглядит пассивность в непосредственном исследовании доказательств (согласно протоколам судебных заседаний отсутствуют ходатайства об исследовании ключевых доказательств обвинения) в условиях, когда кажется очевидным, что государственный обвинитель должен использовать все возможные процессуальные средства для отстаивания обвинения, которое, в каком-то смысле, сам же и утверждал. Если признать, что на практике одной из причин изменения обвинения или отказа от него является непосредственное исследование доказательств [2, с. 114], которое невозможно при самостоятельном

---

¹ Архив Верховного суда Республики Башкортостан. Уголовное дело № 44у-118/2018.

изучении материалов дела, то в нашем случае не совсем ясно, что могло повлиять на принятие такого решения прокурором. Все доказательства исследованы не были, как и не было допрошено большинство свидетелей. Насколько верно в таком случае связывать изменение обвинения с трансформацией внутреннего убеждения прокурора в ходе судебного разбирательства? Между тем поиски причин переквалификации деяния не приведут к решению фактических проблем, первая из которых заключается в нарушении прав потерпевшего, а вторая связана с отсутствием значимости внутреннего убеждения судьи при реализации рассматриваемых институтов.

Обязательность для суда последствий, предусмотренных ч. 7 ст. 246 УПК РФ, обуславливает приоритет убеждения прокурора над судебским. При этом нельзя упускать из виду известную особенность, связанную с формированием и внешним выражением перед судом убежденности прокурора в недоказанности предъявленного обвинения. Внутреннее убеждение, которым должен руководствоваться прокурор при оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ) и которое в конечном счете может вызвать отказ от обвинения, на практике превращается в фикцию, что обусловлено ведомственной политикой Прокуратуры РФ. Так, Приказ Генеральной прокуратуры РФ, устанавливающий порядок поддержания обвинения в суде, обязывает государственного обвинителя при существенном расхождении с позицией, выраженной в обвинительном заключении или обвинительном акте, докладывать об этом прокурору, поручившему поддерживать государственное обвинение, а указанного прокурора, в случае принципиального несогласия с позицией обвинителя, исходя из законности и обоснованности предъявленного обвинения, своевременно решать вопрос о замене обвинителя либо самому поддерживать обвинение¹. Таким образом, убежденность прокурора в недоказанности обвинения, к которой он приходит в результате оценки доказательств, еще не позволяет ему отказаться от обвинения. Для этого требуется доложить о своем намерении вышестоящему прокурору, который в свою очередь, не исследуя обстоятельства дела непосредственно в судебном заседании (!), вправе не согласиться с намерением отказа.

Существующая процедура заявления прокурором отказа от обвинения в совокупности с императивным для суда характером последствий заявления такого отказа нередко оценивается авторами негативно. Более того, некоторые научные дискуссии не ограничиваются критикой имеющихся форм распоряжения прокурором обвинением, а охватывают проблему

---

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25.12.2012 № 465 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.09.2021).

обязательности для суда квалификации, представляемой стороной обвинения. Так, высказываются мнения о том, что квалификация, содержащаяся в обвинительном заключении и поддерживаемая прокурором в суде, должна носить предварительный характер, поскольку в противном случае судья «...вынужден осуществлять квалификацию содеянного, руководствуясь не собственным убеждением, а мнением обвинителя – стороны, которая преследует собственный процессуальный интерес» [3, с. 288]. При этом отсутствие какого-либо противоречия данному предложению принципу состязательности объясняется тем, что *onus probandi* (бремя представления доказательств) на суд не возлагается, а остается за обвинителем [4, с. 9]. Как, например, пишет К.В. Муравьев, «если суд не инициировал обвинение, не представлял доказательства, а лишь посредством их оценки свободно сформировал свое внутреннее убеждение по поводу квалификации, то он должен иметь право на постановление приговора, соответствующего, по его мнению, уголовному закону, причем независимо от того, какую правовую оценку деянию дают стороны» [3, с. 284]. При всей притягательности такой позиции с точки зрения обеспечения процессуальной независимости судьи нельзя не отрицать тот факт, что она является радикальной в условиях действующего уголовно-процессуального закона по причине очевидного противоречия правилу о пределах судебного разбирательства.

Обратимся к еще одному случаю отказа государственного обвинителя от квалифицирующего признака состава преступления в суде, который также способен породить определенные сомнения в обоснованности принятия такого решения.

Рязанским областным судом было рассмотрено уголовное дело по обвинению Т. в совершении преступления, предусмотренного п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное с особой жестокостью). На наличие в действиях подсудимого признака «особой жестокости» указывают характер и способ совершения убийства: многочисленные ножевые ранения и удары в различные части тела потерпевшей, использование различных орудий преступления, немалый промежуток времени между началом посягательства и моментом смерти потерпевшей. В ходе судебного разбирательства прокурор изменил обвинение в сторону смягчения путем переквалификации деяния на ч. 1 ст. 105 УК РФ, посчитав, что квалифицирующий признак «совершенное с особой жестокостью» не нашел подтверждения¹. Между

---

¹ Приговор Рязанского областного суда от 16.12.2014 по делу № 2-17/2014 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=563473#gbOp5zSOAGc6X8YO1> (дата обращения: 19.09.2021).

тем подробное изучение обстоятельств дела оставляет место для полемики по этому поводу. Во-первых, в ходе предварительного следствия было установлено, что подсудимым было нанесено в общей сложности 34 удара (!) различными предметами (2 разных кухонных ножа, топор-колун), использованными последовательно. Во-вторых, телесные повреждения не сосредоточены в одном месте, а находятся на разных частях тела (голова, шея, туловище, конечности). Например, удары ножом были нанесены в кисти и пальцы рук, дистальные фаланги, локтевые суставы. Это никак не согласуется с позицией о том, что подсудимый желал простого убийства. В-третьих, установлен различный характер повреждений в результате совершения ударов: резаные, колото-резаные, рубленые раны, переломы костей черепа и лица, ссадины и т. д. И наконец, все эти действия были совершены в течение продолжительного времени, в разных комнатах дома, где потерпевшая пыталась избежать посягательства со стороны подсудимого. Важно также то, что согласно заключению эксперта промежуток времени между нанесенными повреждениями и смертью составляет несколько десятков минут. Перечисленные обстоятельства в совокупности свидетельствуют как минимум о том, что потерпевшая испытывала сильные страдания перед смертью, что является особенностью данного вида квалифицированного убийства¹.

Здесь вполне логично задаться вопросом о том, зачем подсудимому, желавшему смерти подсудимой без предварительных страданий, наносить такое количество ударов разнообразными орудиями по практически всем частям тела? Государственный обвинитель не дал ответа на него, а обжалование решения потерпевшим в вышестоящую инстанцию по понятным причинам не увенчалось успехом – Верховный Суд РФ был вынужден признать, что действия прокурора соответствуют ч. 8 ст. 246 УПК РФ, а суд связан с позицией обвинения². Если представить, что суд при рассмотрении дела не был согласен с изменением обвинения, а предпосылки к этому, как мы видим, имелись, то насколько правосудным является осуждение подсудимого по ч. 1 ст. 105 УК РФ? Получается парадоксальное, но совершенно типичное для российской практики явление: суду приходится осуждать лицо в совершении преступления, которое, по мнению суда, он не совершал. Вынесение оправдательного приговора как единственный

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. 1999. 9 фев.

² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 6-АПУ15-1 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=425977#ux tq5zSa0wUqjfXL> (дата обращения: 19.09.2021).

способ отстаивания своей позиции тоже абсурдно в условиях подтверждения вины совокупностью доказательств и самим подсудимым.

Согласно результатам анкетирования 75 (70,7 %) судей как минимум несколько раз были не согласны с отказом прокурора от обвинения или с его изменением; 2 (1,9 %) судей были не согласны с такой позицией во всех случаях; остальные 29 (27,3 %) судей, которым приходилось сталкиваться с подобными ситуациями, соглашались с мнением прокурора всегда. С формальной точки зрения такие результаты сами по себе не констатируют существование какой-либо проблемы. Однако с содержательной стороны она колоссальная, если попытаться представить, какое количество из этих отказов от обвинения, с которыми не были согласны судьи, могло быть совершено при тех же обстоятельствах, что и в ранее рассмотренном примере уголовного дела. И самое главное – в скольких из таких случаев судья брал на себя смелость не согласиться с прокурором и продолжить судебное разбирательство или возвратить дело в порядке ст. 237 УПК РФ в целях защиты прав потерпевшего. По понятным причинам, думается, что единицы.

Одним из способов избежать нарушения прав потерпевшего и одновременно обеспечить независимость судей при отказе от обвинения, на первый взгляд, может стать предоставление потерпевшему права самостоятельно поддерживать обвинение в случае несогласия с позицией прокурора. Это предложение представлено в научной литературе в различных вариациях [см., например: 2, с. 10; 5, с. 157; 6], а в некоторых постсоветских странах такое право закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве¹. Данный подход законодателя справедливо называют «компромиссной парадигмой», предполагающей закрепление «состязательного начала с одновременным "реверансом" в сторону принципа материальной (объективной) истины посредством предоставления потерпевшему права на субсидиарный уголовный иск...» [7, с. 240–241].

Примечательно, что правило о необходимости учета мнения потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения было закреплено в отечественном законодательстве в последние годы действия УПК РСФСР 1960 г., однако оно имело ограниченное действие, поскольку распространялось только на случаи отказа при рассмотрении дела судом

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 04.09.2021). Ст. 337 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#pos=4787;36 (дата обращения: 20.09.2021). Схожая регламентация последствий отказа от обвинения присутствует и в УПК Республики Беларусь, УПК Киргизской Республики и др.

присяжных. Так, ст. 430 УПК РСФСР, введенная Законом РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 (как и весь раздел 10 «Производство в суде присяжных»), предусматривала прекращение уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения лишь «при отсутствии возражений со стороны потерпевшего»¹. На тот момент такая корректировка процедуры отказа от обвинения была оценена положительно даже сторонниками чистой состязательности. Например, профессор В.М. Савицкий в своей вступительной статье к редакции УПК РСФСР писал, что в ст. 430 дано принципиально правильное решение проблемы отказа государственного обвинителя от обвинения, в отличие от общего правила, закрепленного в ч. 4 ст. 248, которое превращает суд в обвинителя большего, чем прокурор².

Между тем решение проблемы реализации независимости судей при отказе прокурора от обвинения путем расширения прав потерпевшего актуально до тех пор, пока в уголовном деле есть потерпевший. Во всех остальных случаях, а это значительная часть судебных разбирательств, как правило, по преступлениям тяжким и особо тяжким (незаконный оборот наркотиков, экстремистские и террористические преступления и т. д.), этот механизм перестает работать, поскольку потерпевший (физический) по таким делам отсутствует. Как пишет Л.В. Головкин, в такой ситуации возникает «странная и парадоксальная закономерность: чем более опасным с точки зрения последствий оказывается преступление ... тем более состязательным становится уголовный процесс» [7, с. 243]. Если рассматривать такой вариант процедуры заявления отказа от обвинения в качестве способа решения нашей проблемы, то получится, что степень реализации судебной независимости в этой части будет зависеть от того, есть ли потерпевший по уголовному делу и желает ли он поддерживать субсидиарный уголовный иск самостоятельно. Понятно также и то, что на практике потерпевший по абсолютно разным причинам (снисхождение к подсудимому, нежелание утруждать себя судебными тяжбами и т. п.) может не возражать против отказа государственного обвинителя от обвинения, в то время как фактические обстоятельства дела могут указывать на виновность подсудимого и обоснованность предъявленного обвинения.

Стоит подчеркнуть, что уголовное преследование и поддержание обвинения зачастую осуществляются вовсе без учета мнения заинтересован-

---

¹ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : закон РФ от 16.07.1993 № 5451-1 // Российские вести. 1993. 17 авг.

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР / вступит. ст. д-ра юрид. наук, проф. В. Савицкого. М. : БЕК, 1994. С. XX.

ных лиц, например по преступлениям, в которых потерпевшего, по крайней мере физического, быть не может. Тем не менее государство через уполномоченные органы и должностных лиц осуществляет уголовно-процессуальную деятельность, защищая общественный интерес вне зависимости от наличия потерпевшего по делу, поскольку публично-правовой характер уголовного процесса обусловлен материальным правом, а именно определением преступления как общественно опасного деяния [8, с. 33]. Этим объясняется оправданный интерес некоторых исследователей к вопросу о том, кто доверил российскому прокурору выступать от имени общества в качестве стороны обвинения и распоряжаться им по своему усмотрению. Отвечая на него, Л.В. Головкин приходит к выводу, что способы легитимации прокурора со стороны общества разнятся в зависимости от типа уголовного процесса. Так, американский вариант легитимации происходит политическим путем, поскольку в США прокуроры избираются населением на уровне штатов, в результате чего общество легитимирует деятельность прокурора, – «с одной стороны, общество наделяет прокурора полномочиями *a priori*, избирая его на должность, а с другой – контролирует его *a posteriori*, решая вопрос о переизбрании прокурора на следующих выборах». Другой путь легитимации, характерный для стран с континентальной моделью уголовного процесса (Франция, Германия, Бельгия и др.), основан на простом доверии прокурору представлять в суде от имени общества уголовный иск. И поскольку прокурор не является хозяином уголовного иска, он не вправе от него отказываться [7, с. 247–255].

Если руководствоваться таким подходом при оценке существующего института отказа от обвинения, то придется признать, что российский вариант легитимации обвинительной деятельности прокурора представляет собой синтез двух разнотипных моделей: континентальной и англо-американской. С одной стороны, право представлять общественный интерес в суде предоставлено прокурору не посредством его выборов, а путем обычного доверия, что характерно для континентальной модели. С другой стороны, последствия отказа прокурора от обвинения аналогичны англо-американской модели, поскольку обязывают суд прекратить дело.

Заимствование законодателем англо-американского варианта последствий отказа от обвинения, продиктованное желанием исключить осуществление обвинительной функции судом и процессуально его обособить, не стало успешным в условиях отечественного, не англо-американского, уголовного судопроизводства. Новая модель института явилась разрозненной по причине своей концептуальной несостоятельности, а другие уголовно-процессуальные механизмы, которые смогли бы решать задачи, ранее возлагавшиеся на советский институт отказа от обвинения, попросту

не были созданы. Вскоре после принятия УПК РФ этот факт был осознан Конституционным Судом РФ. В Постановлении от 8 декабря 2003 г. была сделана попытка несколько «преобразить» этот институт в традициях континентального уголовного процесса. Законодатель обязал прокурора заявлять отказ только фактически после окончания судебного следствия и мотивировать его, при этом сторонам была предоставлена возможность обжаловать такой отказ¹. Но на практике такая позиция Конституционного Суда РФ была оценена некоторыми судами лишь как возможность не соглашаться с отказом прокурора от обвинения ввиду его необоснованности. Так, некоторые авторы в своих исследованиях приводят примеры, когда суды не принимают отказ от обвинения, считая его попросту необоснованным [9, с. 180; 10, с. 61–63].

Таким образом, ограничение свободы судебского усмотрения при отказе государственного обвинителя от обвинения, потенциальная незащищенность прав потерпевшего и третьих лиц, бюрократический характер порядка заявления отказа и, наконец, концептуальная несостоятельность самого института в совокупности образуют одну из глобальных проблем отечественного правосудия.

На наш взгляд, правильный подход к регламентации процедуры отказа государственного обвинителя от обвинения с точки зрения обеспечения процессуальной независимости судей был реализован в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Если прокурор находил оправдания подсудимого уважительными, то был обязан «заявить о том суду по совести» (ст. 740), однако это не влекло за собой последствия в виде прекращения дела судом. Отказ прокурора от обвинения не отменял действие обвинительного акта, который продолжал являться основанием привлечения к уголовной ответственности. По этому поводу известный русский правовед того периода М.В. Духовской писал, что в случае отказа государственного обвинителя от обвинения «суд не останавливается в рассмотрении дела, так как отказ этот не уничтожает обвинительного акта, который во всем том, что не опровергнуто судебным следствием, должен служить основанием к постановке решения» [11, с. 325]. Скорее всего, такой вывод делался на основании ст. 751 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., которая предусматривала, что при постановлении приговора судом «основанием вопросов по существу дела должны служить в том числе выводы обви-

---

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51, ст. 5026.

нительного акта». Эти обстоятельства позволяют некоторым современным авторам высказывать обоснованные суждения о том, что в дореволюционном уголовном процессе России «государственный обвинитель обладал правом отказа исключительно от процессуального обвинения, то есть от процессуальной деятельности по поддержанию обвинения перед судом, но не обладал правом отказа от материального обвинения, зафиксированного в обвинительном акте» [12, с. 29].

Стоит отметить и то, что распространенность отказов от обвинения на практике и отношение органов прокуратуры к их заявлению вполне соотносимы с современными реалиями. Так, по воспоминаниям А.Ф. Кони, «отказы от обвинения были не часты... Первое время деятельности новых судов высшая прокуратура относилась к отказам от обвинения неодобрительно. Мне известно несколько таких случаев, и лично я должен был, будучи товарищем прокурора в Петербурге, давать по требованию прокурора палаты объяснение оснований, по которым я отказался поддерживать обвинение, изложенное в определении судебной палаты» [13, с. 141–142].

Даже спустя полтора века ситуация существенно не поменялась: отказы от обвинения в суде по-прежнему редчайшие исключения из правил, а о негативном отношении руководства органов прокуратуры РФ к заявлению таких отказов своими служащими известно практически каждому практикующему юристу. Изменилось лишь то, что современный суд, в отличие от суда дореволюционной России, не способен разрешить уголовное дело согласно собственному убеждению, преследуя при этом цель защиты общественного и частного интересов. И здесь важно отметить, что актуальность затронутых проблем обусловлена вовсе не большим количеством случаев отказа от обвинения на практике и не существующей в органах прокуратуры политикой неприятия отказов, а наличием потенциальной угрозы постановки судьи в безвыходное положение, при котором отсутствует реальная возможность проявления процедурной реакции согласно собственному усмотрению. В настоящее время правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения обуславливают ситуацию, при которой суд, разрешая один социальный конфликт, своим решением провоцирует возникновение новых, что не соответствует истинным целям правосудия. Здесь уместно вспомнить слова профессора П.И. Люблинского, сказанные еще более века назад: «Суд – настолько тонкий аппарат, что он не сумеет быть проводником законности, если эта законность вредна обществу, и принуждение суда следовать плохому закону выразится в ряде серьезных ненормальностей в виде ли неосновательных оправдательных приговоров присяжных, в виде ли искусственной квалификации деяния

коронными судьями или, наконец, в виде целого ряда опасных обходов закона» [14, с. 264].

Подводя итог, стоит упомянуть о том, что выявленные проблемы характерны только для уголовной отрасли отечественного судопроизводства, в гражданском и арбитражном процессах давно найден компромисс для схожих случаев. Так, отказ от иска, несмотря на свой сугубо дискреционный характер, может быть не принят судом, «если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц» (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, ч. 5 ст. 49 АПК РФ). Более того, в гражданском и арбитражном процессах именно суд решает, какой закон должен быть применен по делу. По смыслу ч. 1 ст. 196 ГПК РФ и ч. 1 ст. 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам, а также указывает мотивы неприменения норм права, на которые ссылались лица, участвующие в деле¹. Все это исключает необходимость вести долгие разговоры о балансе между диспозитивностью участников и судебским усмотрением, о природе искового требования – акценты расставлены таким образом, что интересы правосудия требуют реализации независимости судей вне всякой связи с интересами других лиц. При этом состязательный характер гражданского и арбитражного судопроизводства мало у кого вызывает сомнения, по крайней мере в этой части.

Изложим краткие выводы:

1) безальтернативная обязанность суда прекратить уголовное дело в случае отказа государственного обвинителя от обвинения является процессуальным ограничением независимости судьи, поскольку не позволяет разрешить уголовное дело согласно судебскому усмотрению. Нормативная регламентация института отказа государственного обвинителя от обвинения сориентирована только на обеспечение интересов государства (официальный интерес), без всякого учета интересов частного и общественного, представленных в государственном обвинении;

2) предлагается исключить из закона правило, обязывающее суд прекратить уголовное дело в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, как это было сделано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., и оставить решение этого вопроса на мотивированное усмотрение суда по аналогии с положениями ст. 39 ГПК РФ и ст. 49 АПК РФ, предоставляющими судье свободу выбора при разрешении им заявленного отказа от иска.

---

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня.

Список источников

1. Кальницкий В.В. Состязательное построение судопроизводства не должно препятствовать свободному формированию внутреннего убеждения судьи / В.В. Кальницкий // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2003. – № 4. – С. 75–77.
2. Михайлов А.А. Изменение прокурором обвинения и отказ прокурора от обвинения в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Михайлов. – Томск, 2008. – 266 с.
3. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Муравьев. – Омск, 2017. – 505 с.
4. Калиновский К.Б. Onus proferendi возлагается на суд / К.Б. Калиновский // Уголовный процесс. – 2013. – № 8. – С. 9.
5. Жумаканова Н.А. Отказ прокурора от обвинения: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Жумаканова. – Екатеринбург, 2014. – 187 с.
6. Машовец А.О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства / А.О. Машовец // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 93–96.
7. Головкин Л.В. Институты «отказа прокурора от обвинения» и «изменения обвинения в суде»: экзистенциальный аспект / Л.В. Головкин // Теория уголовного процесса: состязательность : моногр. : в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – Ч. 1. – С. 238–275.
8. Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение / Н.Е. Петрова. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2004. – 186 с.
9. Чигрин Д.А. Государственное обвинение в российском уголовном процессе: проблемы формирования и поддержания (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д.А. Чигрин. – Уфа, 2018. – 247 с.
10. Шадрин В.С. Отказ государственного обвинителя от обвинения в современных условиях / В.С. Шадрин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 3 (11). – С. 58–66.
11. Духовской М.В. Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – Москва : Тип. А.П. Поплавского, 1910. – 448 с.
12. Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / П.П. Рукавишников. – Иркутск, 2008. – 252 с.

13. Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 4. Правовые воззрения А.Ф. Кони / А.Ф. Кони. – Москва : Юридическая литература, 1967. – 528 с.

14. Люблинский П.И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах / П.И. Люблинский // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – № 10. – С. 252–284.

References

1. Kalnitsky V.V. The adversarial structure of legal proceedings should not interfere with the free formation of the inner conviction of the judge. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2003, no. 4, pp. 75–77. (In Russian).

2. Mikhailov A.A. *Izmenenie prokurorom obvineniya i otkaz prokurora ot obvineniya v sude pervoj instancii. Kand. Diss.* [Changing the charge and the withdrawal of the charge by the prosecutor in the court of first instance. Cand. Diss.]. Tomsk, 2008. 266 p.

3. Muraviev K.V. *Optimizaciya ugolovnogo processa kak formy primeneniya ugolovnogo zakona. Dokt. Diss.* [Optimization of criminal procedure as a form of application of criminal law. Doct. Diss.]. Omsk, 2017. – 505 p.

4. Kalinovskiy K.B. Onus proferendi is assigned to the court. *Ugolovnyj process = Criminal Process*, 2013, no. 8, pp. 9. (In Russian).

5. Zhumakanova N.A. *Otkaz prokurora ot obvineniya: voprosy teorii i praktiki. Kand. Diss.* [Withdrawal of the charge by the prosecutor: questions of theory and practice. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2014. 187 p.

6. Mashovets A.O. Change of the charge, full or partial withdrawal of it by the public prosecutor in the course of the trial. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (36), pp. 93–96. (In Russian).

7. Golovko L.V. Institutions of «prosecutor's withdrawal of the charge» and «change of the charge in court»: existential aspect. In Kolokolov N.A. (ed.). *Teoriya ugolovnogo processa: sostyazatel'nost'* [Theory of criminal procedure: adversarial]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013, pt. 1, pp. 238–275. (In Russian).

8. Petrova N.E. *Chastnoe i subsidiarnoe obvinenie* [Private and subsidiary prosecution]. Samara State University, 2004. 186 p.

9. Chigrin D.A. *Gosudarstvennoe obvinenie v rossijskom ugolovnom processe: problemy formirovaniya i podderzhaniya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). Kand. Diss.* [Public Prosecution in Russian Criminal Proceedings: Problems of Formation and Maintenance (Comparative Legal Research). Cand. Diss.]. Ufa, 2018. 247 p.

10. Shadrin V.S. The withdrawal of the charge by the public prosecutor in modern conditions. *Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie*

chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings, 2016, no. 3 (11), pp. 58–66. (In Russian).

11. Dukhovskoy M.V. *Russkij ugovnyj process* [Russian criminal procedure]. Moscow, Printing house A.P. Poplavsky Publ., 1910. 448 p.

12. Rukavishnikov P.P. *Otkaz gosudarstvennogo obvinitelya ot obvine-niya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve. Kand. Diss.* [Withdrawal of the charge by the public prosecutor in Russian criminal proceedings. Cand. Diss.]. Irkutsk, 2008. 252 p.

13. Koni A.F. *Sobranie sochinenij* [The Complete Works]. Moscow, Yu-ridicheskaya literatura Publ., 1967. Vol. 4. 528 p.

14. Lyublinsky P.I. Grounds for judicial discretion in criminal cases. *Zhurnal Ministerstva yusticii = Journal of the Department of Justice*, 1904, no. 10, pp. 252–284. (In Russian).

Информация об авторе

Гизатуллин Ирек Альфредович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета.

Information about the Author

Gizatullin Irek Alfredovich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 29.12.2021; принята к публикации 12.01.2022.

The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 29.12.2021; accepted for publication 12.01.2022.